

Александр Островский

Сердце не камень

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
О-77

O-77   **Островский А.**
Сердце не камень / Александр Островский – М.: Книга по Требованию, 2012. –
48 с.

ISBN 978-5-4241-2322-1

Александр Николаевич Островский и по сей день является самым популярным русским драматургом. Его экранизируют, по его пьесам ставят спектакли.

Кажется, только появившись на свет, пьесы Островского обречены были стать русской классикой: настолько ярки и одновременно обобщенны характеристики его героев.

ISBN 978-5-4241-2322-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Александр Николаевич
Островский
Сердце не камень

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Потап Потапыч Каркунов, богатый купец, старик.

Вера Филипповна, жена его, 30 лет с небольшим.

Исай Данилыч Халымов, подрядчик, кум Каркунова.

Аполлинария Панфиловна, его жена, за 40 лет.

Константин Лукич Каркунов, племянник Потапыча, молодой человек.

Ольга Дмитриевна, его жена, молодая женщина.

Ераст, приказчик Каркунова, лет 30-ти.

Огуревна, ключница, старуха.

Инокентий, странник.

В доме Каркунова, в фабричной местности, на самом краю Москвы. Жилая комната купеческого дома, представляющая и семейную столовую, и кабинет хозяина, в ней же принимают и гостей запросто, то есть родных и близких знакомых; направо (от актеров) небольшой письменный стол, перед ним кресло, далее железный денежный сундук-шкаф, вделанный в стену; в углу дверь в спальню; с левой стороны диван, перед ним круглый обеденный стол, покрытый цветной салфеткой, и несколько кресел; далее большая горка с серебром и фарфором; в углу дверь в парадные комнаты; в глубине дверь в переднюю; с правой стороны большой комод, с левой – буфет; вся мебель хотя не модная, но массивная, хорошей работы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Огуревна стоит, подперши щеку рукой. Входят Константин и Ольга.

Константин. Огуревна, что ты тут делаешь?

Огуревна. Самоё дожидаюсь насчет самовара.

Константин. А где ж она, сама-то, где дяденька?

Огуревна. В зале сидят; залу растворить велели и чехлы все с мебели давеча еще поснимали.

Константин. Что за праздник такой? Кажется, такие параты у нас раза три в год бывают, не больше.

Огуревна. С гостями сидят.

Ольга. С какими гостями?

Огуревна. Аполлинария Панфиловна с Исаем Данилычем приехали; за ним давеча нарочно посыпали.

Константин (Ольге). Поняла?

Ольга. Ничего не понимаю.

Константин. Завещание.

Ольга. Какое завещание?

Константин. Дяденька давно собирались завещание писать, только хотели посоветоваться с Исаем Данилычем, так как он подрядчик, с казной имел дело и, значит, все законы знает. А мы с дяденькой никогда понятия не знали, какие такие в России законы существуют, потому нам не для чего.

Огуревна. Да, да, писать что-то хотят – это верно; у приказчика Ерасты ка-
рандаш и бумагу требовали.

Константин (*Ольге*). Слышишь?

Ольга. Ну, так что ж?

Константин. Не твоего ума дело. Огуревна, поди скажи дяденьке, мол,
Константин Лукич желает войти, так можно ли?

Огуревна. Хорошо, батюшка. (*Уходит налево*.)

Ольга. Зачем ты пойдешь?

Константин. Разговаривать буду.

Ольга. В таком-то виде?

Константин. Я всегда умен, что пьяный, что трезвый; еще пьяный лучше,
потому у меня тогда мысли свободнее.

Ольга. Об чем же ты будешь разговаривать?

Константин. Мое дело. Обо всем буду разговаривать. Никакого завещания
не нужно; дяденька должен мне наследство оставить; я единственный... пони-
маешь... И потому еще, что я, в надежде на дяденькино наследство, все свое
состояние прожил.

Ольга. А кто тебе велел?

Константин. Не разговаривай! Если дяденька мне ничего не оставит, мы
должны будем в кулаки свистеть, и я даже могу попасть в число несостоятельных,
со всеми последствиями, которые из этого проистекают.

Входит Огуревна.

Огуревна. Пожалуйте!

Ольга. И я с тобой пойду.

Константин (*отстраняя жену*). Марш за шлам-баум! Нечего тебе там делать.
Разговор будет умственный. Тетенька и Аполлинария Панфиловна должны
сейчас сюда прийти: либо их попросят вон, либо они сами догадаются, что при
нашем разговоре они ни при чем, а только мешают; потому это дело на много
градусов выше женского соображения. (*Уходит налево*.)

С той же стороны входят Вера Филипповна и Аполлинария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вера Филипповна, Аполлинария Панфиловна, Ольга и Огуревна.

Вера Филипповна. Здравствуй, Олеся!

Аполлинария Панфиловна. Здравствуй, Олеся!

Вера Филипповна. Садитесь милости прошу, гости дорогие!

Огуревна. Матушка Вера Филипповна, чай-то сюда прикажете подавать аль
сами к самоварчику сядете?

Вера Филипповна. Да он готов у тебя?

Огуревна. В минуту закипит, уж зашумел.

Аполлинария Панфиловна. А ты ему шуметь-то много не давай, другой
самовар ворчливее хозяина, расшумится так, что и не уймешь.

Вера Филипповна. Сейчас приедем, Огуревна.

Огуревна уходит.

Я поджидаю, когда сам выдет.

Аполлинария Панфиловна. Что это вы, Вера Филипповна, точно русачка из
Тележной улицы, мужа-то «сам» называете!

Ольга. Тетенька всегда так.

Вера Филипповна. Мы с Потапом Потапычем люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно. Как его ни называй: муж, хозяин, сам, — все он большой в доме.

Аполлинария Панфиловна. Ну, нет, разница. «Хозяин» — уж это совсем низко, у нас кучерова жена своего мужа хозяином зовет; а и «сам» тоже разве уж которые еще в платочках ходят.

Ольга. А кто нынче в платочках-то ходит! Все и лавочницы давно шляпки понадели.

Аполлинария Панфиловна. Нынче купчихи себя высоко, ох, высоко держат, ни в чем иностранкам уступить не хотят... снаружи-то.

Вера Филипповна. Слышала я, по слуху-то и я знаю. что ж мудреного. Люди людей видят, один от другого занимаются. Только я одна пятнадцать лет свету божьему не вижу, так мне и заняться не от кого. что это Потап Потапыч с Исаевом Данилычем затолковались!

Аполлинария Панфиловна. Стало быть, дело есть. Разве не слыхали?

Вера Филипповна. Ничего не слыхала.

Ольга. Напрасно вы, тетенька, скрываете от нас; мы и сами довольно хорошо знаем.

Аполлинария Панфиловна. Мне Исаю Данилычу говорил.

Вера Филипповна. А мне Потап Потапыч ничего не сказывал.

Аполлинария Панфиловна. По заслугам и награда.

Ольга. Отчего ж не награждать, коли кто чего стоит; всякий волен в своем добре; только и других тоже обижать не нужно.

Вера Филипповна. Зачем обижать! Сохрани бог! Только не знаю я, про какую награду вы говорите.

Аполлинария Панфиловна. Завещание пишут, Вера Филипповна, завещание.

Вера Филипповна (*с испугом.*) Завещание? Какое завещание, зачем? Потап Потапыч на здоровье не жалуется; он, кажется... слава богу.

Аполлинария Панфиловна. Осторожность не мешает, в животе и смерти бог волен. А ну, вдруг... Значит, надо вперед подумать да успокоить, кого любишь. Вот, мол, не сомневайтесь, все вам предоставляю, всякое счастье, всякое удовольствие.

Ольга. Как же, тетенька, неужели ж вы этого не ожидали?

Вера Филипповна. Не ожидала, да и не думала никогда.

Аполлинария Панфиловна. Как, чай, не думать! Разве вы богатству не рады будете?

Вера Филипповна. Нет, очень рада.

Аполлинария Панфиловна. Ну, еще бы!

Вера Филипповна. Я много бедным помогаю, так часто не хватает; а у Потапа Потапыча просить боюсь; а кабы я богата была, мне бы рай, а не житье.

Входит Огуревна.

Огуревна. Я, матушка, насчет варенья.

Вера Филипповна. Сейчас приду.

Огуревна уходит.

Извините, гости дорогие! (*Уходит.*)

Ольга. «Для бедных! Рассказывай тут! И мы люди небогатые.

Аполлинария Панфиловна. Надо ей говорить-то что-нибудь!

Входит Вера Филипповна.

Вы говорите, что не думали о богатстве? Да кто ж этому поверит! Не без расчету ж вы шли за старика. Жили бы в бедности...

Вера Филипповна. Я и не оправдываюсь; я не святая. Да и много ли у нас, в купечестве, девушек по любви-то выходят? Всё больше по расчету, да еще не по своему, а по родительскому. Родители подумают, разочтут и выдадут, вот и все тут. Маменька все сокрушилась, как ей быть со мной при нашей бедности; разумеется, как посватался Потап Потапыч, она обеими руками перекрестилась. Разве я могла не послушаться маменьки, не утешить ее!

Аполлинария Панфиловна. Послушались маменьку и полюбили богатого старичка.

Ольга. Как богатого не полюбить! Да я бы сейчас...

Вера Филипповна. Богатого трудней полюбить. За что я его буду любить! Ему и так жить хорошо. Бедного скорей полюбишь. Будешь думать: «Того у него нет, другого нет», – станешь жалеть и полюбишь.

Аполлинария Панфиловна. Уж на маменьку только слава; чай, и сами были не прочь за Потапа Потапыча идти. Всякому хочется получше пожить, особенно кто из бедности.

Вера Филипповна. «Получше пожить». Да жила ли я, спросите! Моей жизни завидовать нечему. Я пятнадцать лет свету не видала; мне только и выходу было, что в церковь. Нет, виновата, в первую зиму, как я замуж вышла, в театр было поехали.

Аполлинария Панфиловна. Да не доехали, что ли?

Вера Филипповна. Нет, хуже.

Аполлинария Панфиловна. Смешнее?

Вера Филипповна. Кому как. Только что я села в ложу, кто-то из кресел на меня в трубку и посмотрел; Потап Потапыч как вспыхнул: «то, говорит, он глаза то пылит, чего не видывал! Сбирайся домой!» Так и уехали до начала представления. Да с тех пор, вот уж пятнадцатый год, и сижу дома. Я уж не говорю о театрах, о гуляньях...

Ольга. Как, тетенька, неужели же ни в Сокольники, ни в парк, ни в Эрмитаж?

...
Вера Филипповна. Какие Сокольники, какой Эрмитаж! Я об них и понятия не имею.

Ольга. Однако, тетенька.

Аполлинария Панфиловна. Да, уж нынче таких антиков немного, чтоб Сокольников не знать.

Вера Филипповна. Ну, да уж так и быть. Сначала-то и горько было, и обидно, и до смертной тоски доходило, что все взаперти сижу; а потом, слава богу, прошло, к бедным привязалась; да так обсиделась дома, что самой страшно подумать: как это я на гулянье поеду? Да уж бог с ними, с гуляньями и театрами. Говорят, там соблазну много. Да ведь на белом свете не все ж дурное, есть что-нибудь и хорошее, я и хорошего-то не видала, ничего и не знаю. Для меня Москва-то как лес; пусти меня одну, так я подле дома заблужусь. Твердо дорогу знаю только в церковь да в баню. И теперь, как выеду, так словно дитя малое, на дома

да на церкви любуюсь: всё-то мне в диковину.

Ольга. Все ж таки выезжали куда-нибудь?

Вера Филипповна. Выезд мой, милая, был раза два-три в год по магазинам за нарядами, да и то всегда сам со мной ездил. Портниха и башмачник на дом приходят. Мех понадобится, так на другое утро я еще не проснулась, а уж в зале по всему полу меха разостланы, выбирай любой. Шляпку захочу, так тоже мадам полну карету картонов привезет. О вещах дорогих и говорить нечего: Потап Потапыч чуть не каждую неделю возил то серьги, то кольцо, то брошку. Хоть надевать некуда, а все-таки занятие: поутру встану, переберу да перегляжу всё – время-то незаметно и пройдет.

Аполлинария Панфиловна. Сидели дома с Потап Потапычем да друг на друга любовались. что ж, любезное дело!

Вера Филипповна. И любоваться-то не приходилось. Еще теперь, как Потап Потапыч стал здоровьем припадать, так иной день и дома просидит; а прежде по будням я его днем-то и не видала. Из городу в трактир либо в клуб, и жди его до трех часов утра. Прежде ждала, беспокоилась; а потом уж и ждать перестала, так не спится... с чего спать-то! А по праздникам: от поздней обедни за обед, потом отдохнет часа три, проснется, чаю напьется: «Скучно, говорит, с тобой. Поеду в карты играть». И нет его до утра. Вот и сижу я одна; в окна-то у нас, через сад, чуть не всю Москву видно, сижу и утро, и вечер, и день, и ночь, гляжу, слушаю. А по Москве гул идет, какой-то шум, стучат колеса; думаешь: ведь это люди живут, что-нибудь делают, коли такой шум от Москвы-то.

Аполлинария Панфиловна. Житейское море волнуется.

Вера Филипповна. Думала приемыша взять, сиротку, чтоб не так скучно было; Потап Потапыч не велит.

Аполлинария Панфиловна. Сироту взять, так веселее будет.

Вера Филипповна. Только чтоб не самого крошечного, не грудного

Аполлинария Панфиловна. Нет, зачем. Так лет двадцати пяти, кудрявень-кого. От скуки приятно.

Вера Филипповна. Ах, что вы, как вам не стыдно! Без шуток вам говорю, помешаться можно было. Как я тогда с ума не сошла, так это дивиться надо.

Аполлинария Панфиловна. Старики уж всегда ревнивы.

Вера Филипповна. Да что меня ревновать-то! Я в пятнадцать лет не взглянула ни разу на постороннего мужчину. В чем другом не похвались, а этого греха нет за мной, чиста душа моя.

Аполлинария Панфиловна. Ну, не говорите! Искушения не было, так и греха нет. Враг-то силен, поручиться за себя никак нельзя.

Ольга. Это правда, тетенька. Вы по вечерам и по балам не ездите, а посмотрели бы там, какие мужчины бывают. Умные, ловкие, образованные, не то, что...

Аполлинария Панфиловна. «Не то, что мужья наши». Ай, Оленька! Вот умница! А ведь правду она говорит: пока не видишь других людей, так и свои хороши кажутся; а как сравнишь, так на свое-то и глядеть не хочется.

Вера Филипповна. Что вы, что вы! Как вам не грех!

Ольга. Да ведь мы, тетенька, не слепые. Конечно, обязанность есть наша любить мужа, так ее исполняешь; а ведь глаза-то на что-нибудь даны. что невежа и дурак, а что образованный человек, разобрать-то не хитрость.

Аполлинария Панфиловна. Не видали вы настоящих-то мужчин, так хоро-

шо вам разговаривать. И первый человек греха не миновал, да и последний не минут. Грех сладок, а человек падок.

Вера Филипповна. Ну, и слава богу, что смолоду искушения не было; а уж теперь и бояться нечего, мое время прошло.

Аполлинария Панфиловна. Какие ваши года! Мне и под пятьдесят лет, да я за себя не поручусь.

Ольга. Я, кажется, до семидесяти лет влюбляться буду. А то и жить-то незачем, какой интерес! А тут вдруг как-то тепло на душе. А то какая наша жизнь? Пей, ешь да спи!

Аполлинария Панфиловна. Я тоже не люблю, чтоб без занятия. Уж само собой, не любовь, – где уж! Хоть и не закАиваюсь. А чтоб были мне хлопоты: или сватать, или когда молодая женщина запутается, так поучишь ее, как из беды вынырнуть, мужу глаза отвести.

Ольга. Да что, в самом деле, тетенька, мы не люди, что ли! Посмотрите-ка, что мужчины-то делают, какую они себе льготу дают! что они боятся, аль стыдятся чего! Какая только придет им в голову фантазия, все и исполняют. А от нас требуют, чтоб не только мы закон соблюдали, а в душе и помышлении непорочность имели. Как еще они, при своей такой безобразной жизни, смеют от нас чего-то требовать! Да возьми такой муж в самом деле-то хорошую да благородную девушку, так она через три дня плонет на него да убежит куда глаза глядят.

Аполлинария Панфиловна. Недавно замужем, а как разговариваешь! Скоро жизнь-то раскусила.

Ольга. Раскусишь. Я шла замуж-то, как голубка была, а муж меня через неделю по трактирам повез арфисток слушать; сажал их за один стол со мной, обнимался с ними; а что говорили, так у меня волоса дыбом подымались!

Вера Филипповна. Я такие речи в первый раз слышу.

Аполлинария Панфиловна. Давольно ж вам людей-то дичиться. Вы уж спесивы очень. Пожаловали бы когда к нам запросто или меня к себе приглашали почаше; угощенья для меня особенного не нужно; был бы чай да бутылка мадеры – вот и все.

Вера Филипповна. Нет, где уж мне по гостям! Я одичала очень, мне и людей-то видеть тяжело. И раз-то в год выедешь, так час просидишь в гостях, уж там и скучно, домой тянет.

Ольга. Теперь не прежнее время, не взаперти живете; вот бы и начали выезжать понемножку, привыкать к людям.

Вера Филипповна. Разница-то невелика: прежде взаперти жила, а теперь сама уселилась дома. Вот только одно мое удовольствие – по монастырям стала ездить: в Симонов, в Новоспасский, в Андроньев.

Аполлинария Панфиловна. Раненько за богомолье-то принялись.

Вера Филипповна. Да хорошо там очень: когда небольшой праздник, там народу немного, тихо таково, просторно, поют хорошо. Выдешь за ограду, по бульварчику походишь, на Москву поглядишь, старушек богомолок найдешь, с ними потолкуешь.

Входит Огуревна.

Что ты?

Огуревна. Сумлеваясь насчет лимону.

Вера Филипповна. Я сейчас, гости дорогие. (*Уходит с Огуревной.*)

Аполлинария Панфиловна. По монастырям стала ездить! Надо подсмотреть за ней; в самом деле, нет ли сироты какого.

Ольга. Нет, не похоже.

Аполлинария Панфиловна. Смотри ей в зубы-то! Я очень тихим-то не верю. Знаешь пословицу: «в тихом омуте...»?

Входит Вера Филипповна.

Вера Филипповна. Сюда прикажете чай подать или туда пойдете? Сюда и мужчины придут; вон, кажется, Потап Потапыч подвигается.

Аполлинария Панфиловна. Лучше мы к самовару присоединимся; я не люблю с мужчинами-то не привыкли мы вперемешку-то. Простору нет, разговор не тот; я в разговоре свободна, стеснять себя не люблю. Мужчины врут сами по себе, а мы сами по себе, и им свободней, и намвольней. Любезное дело! А вместе одна канитель, а не разговор. Я с прибавлением люблю чай-то пить; неравно при мужчинах-то невзначай лишнее перельешь, так и совестно.

Вера Филипповна. Как вам угодно. Пожалуйте!

Уходят Аполлинария Панфиловна, Ольга, Вера Филипповна.

Входят Каркунов (в руках бумага и карандаш), Халымов, Константин Каркунов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Каркунов, Халымов и Константин Каркунов.

Константин. Помилуйте, дяденька!... К чему, к чему?... Ни к чему это не ведет.

Каркунов. Помолчи ты, помолчи! (*Халымову.*) Ах, кум ты мой милый, вот уж спасибо, вот уж спасибо!

Халымов. Да за что?

Каркунов. Как за что? Я тебе шепнул: «Приезжай, мол», – а ты и приехал.

Халымов. Да чудак: зовешь в гости, как не поехать! От хлеба-соли кто же отказывается!

Каркунов. Да я еще тебя хлебом-то не кормил. Я, как ты приехал, так за дело тебя; говорю: «Помоги!...»

Халымов. Да какое дело-то! Гроша оно медного не стоит; эка невидаль, завещание написать! Было б что отказывать; а коли есть, так нехитро: тут все твоя воля, что хочешь, то и пиши!

Каркунов. Нет, ты не говори! Вот у нас тут по соседству адвокатишко проживает, такой паршивенький; а и тот триста рублей просит.

Халымов. Еще мало запросил. Вольно ж тебе за адвокатами посыпать.

Константин. Да помилуйте! Коли есть единственный... так к чему? Одни кляузы!

Каркунов. Погоди! Ты помолчи, помолчи.

Халымов. Взял лист, и пиши!

Каркунов. «Пиши», ишь ты! что я напишу, что я знаю! Как напьемся хорошенъко, так «мыслите» писать наше дело; а перо-то возьмешь, так ведь надо, чтоб оно слушалось. А коли не слушается, так что ж ты тут! Ничего не поделаешь.

Халымов. А ты его возьми покрепче в руки-то, да и пиши спервоначалу с божьего благословения: во имя, а прочее...

Каркунов. Так, так, с божьего благословения; нельзя без этого, это уж первое

дело. (*Константину*) Ты незваный пришел, так вот тебе бумага и карандаш.
Пиши! (*Отдает бумагу и карандаш*.) Пиши, что сказано.

Константин. Да позвольте! Коли я единственный...

Каркунов. Молчи, молчи!

Константин садится к столу.

Что ему писать-то?

Халымов. Потом пиши: «Во-первых...»

Каркунов. Константин, пиши: «Во-первых...»

Халымов. «Поручаю душу мою богу...»

Каркунов (*вздыхая*). Ох, ох! Да, да.

Константин пишет.

Халымов. «А грешное тело мое предать земле по христианскому обряду».

Каркунов. По христианскому, по христианскому, да, да, по христианскому, чтобы уж как следует.

Халымов. Теперь насчет певчих... Каких тебе будет приятнее: чудовских иль нешумовских?

Каркунов. Чудовских приятнее, друг ты мой любезный, приятнее.

Халымов. Ну, и пиши «чудовских».

Каркунов. Константин, запиши: «чудовских!»

Халымов. Теперь покров на гроб... хочешь парчовый, хочешь глазетовый. Нынче этот товар до тонкости доведен, в Париже на выставке был.

Каркунов. Над этим задумаешься, кум, задумаешься.

Халымов. Да как не задумаешься; дело большого рассудка требует. А ты вели принести образчиков, да который тебе к лицу, тот и обозначь; узорчик по-веселей выбери. Да вот еще забыли, прежде всего надо: «Находясь в здравом уме». что забыли-то! Да и вправду, в здравом мы уме аль нет?

Каркунов. В здравом, в здравом, куда хочешь. Константин, простили впереди: «В здравом уме».

Константин. Ну, уж сомневаюсь!

Каркунов. Пиши, пиши, не твое дело!

Халымов. «И твердой памяти».

Каркунов. Ну, насчет памяти... против прежнего не то.

Халымов. Да ведь помнишь всех, кто тебе должен?

Каркунов. Всех, всех, всех.

Халымов. Значит, твердая. Может быть, забываешь, кому сам должен? Так не беда, напомнят. Ну, главное дело кончено, теперь уж пустяки. Вот пиши: «Любезной супруге моей, Вере Филипповне, за ее любовь ко мне и всегдашние попечения...»

Каркунов. Да, да, всегдашние попечения.

Халымов. Ну, там что знаешь.

Каркунов. Пиши, Константин: «Все движимое и недвижимое имение и миллион денег».

Константин. Да позвольте, дяденька...

Каркунов. Молчи, молчи! Стоит, стоит, больше стоит.

Халымов. Уж это твое дело.

Каркунов. Больше стоит, больше стоит. Только вот что, кум, ох...

Халымов. что случилось?